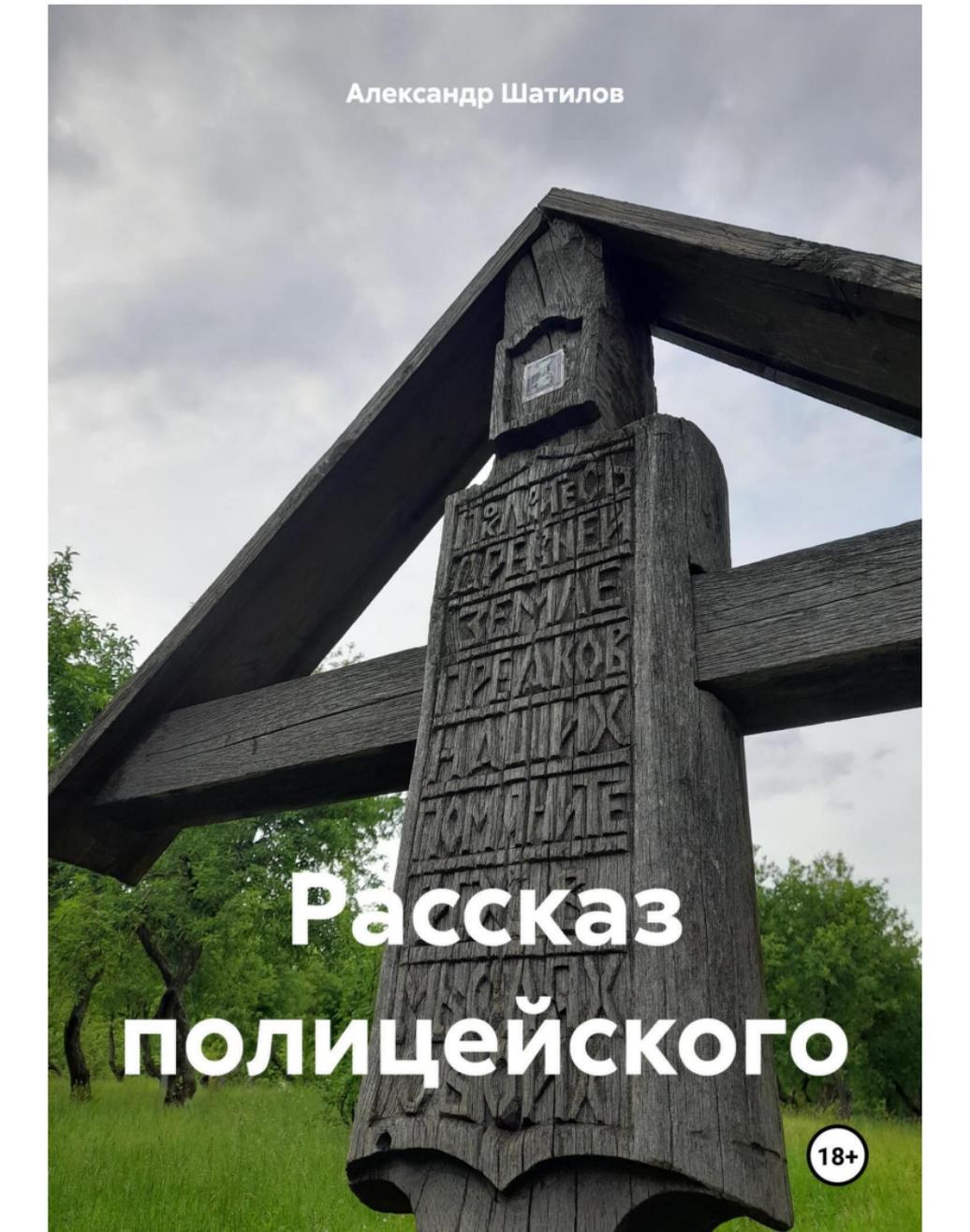

Александр Шатилов

Рассказ полицейского

18+

Александр Шатилов

Рассказ полицейского

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70454905

SelfPub; 2024

Аннотация

Иногда сотрудникам полиции приходится иметь дело со странными случаями, загадочными и необъяснимыми. Герой этого рассказа столкнулся с тем, что хотел бы забыть навсегда, но даже литры спиртного не в состоянии подарить желанное забвение. Когда умирает старая ведьма, её душа не может найти покой, и она не даст покоя тем, кто слишком плотно заинтересовался её судьбой, по собственной ли воли, или по долгу службы. Автор фото на обложке – Александр Шатилов.

Александр Шатилов

Рассказ полицейского

Эту историю в один беззаботный пятничный вечер рассказал мне мой старый школьный приятель. Сам я далёк от мистики и не поверил вначале ни одному слову, так как с этим приятелем мы сидели в шумном кафе, он был изрядно пьян, да и я в тот вечер выпил лишнего. Добавлю только, что не виделись мы с ним до этой встречи больше десяти лет и столкнулись случайно. При этом я немало удивился, что бывший хулиган и прогульщик, которому прочили судьбу между уголовником и дворником стал полицейским и носил погоны старшего лейтенанта. Видимо наши педагоги в своём большинстве не в силах разглядеть скрытых в детях талантов. Но, собственно, рассказ не об этом. Я бы и не взялся его писать, если бы не некоторые странные совпадения, о которых я узнал буквально накануне. Однако буду излагать по порядку.

Мы сидели и выпивали уже больше часа. Народу в маленькой кафешке набилось столько, что чуть ли ни на подоконниках сидели люди. Приятель мой травил анекдоты и байки, перекрикивая толпу, при этом активно налегал на беленькую, так что в каких-то полчаса бутылка «Пять озёр» оказалась пустой, при том, что я не выпил и рюмки. К моему удивлению, приятель был практически так же трезв, как и до

этой бутылки. Даже румянца на его щеках не появилось.

– Это вас в полиции учат так пить, чтобы не пьянеть? – пошутил я, сгорая от зависти к такой способности его организма.

– Нет, это так, – буркнул он и отмахнулся.

– Да ладно тебе! Колись, как так у тебя получается? – не унимался я, и любопытство только крепло.

Приятель мой почему-то стал серьёзным и даже мрачным, и долго не хотел ничего отвечать.

– Ну что вам там, секретную вакцину дают, чтоб не пьянеть? – не унимался я.

– Да я бы рад напиться! – вдруг воскликнул он. – Хочу нажраться до беспамятства! Чтобы не помнить ничего, чтобы всё вообще забыть! Не могу!

– Как так? – удивлению моему не было предела.

– Да всё после одного случая...

– Какого?

Приятель лишь махнул рукой и налил себе ещё одну рюмку.

– Не спрашивай, всё равно, не поверишь, – сильно по-мрачнев произнёс он.

– Ты расскажи сначала, а я потом посмотрю, верить тебе или нет, – сказал я и тоже налил рюмку. – Не гостайна же?

– Да лучше б она, – пробурчал он, и мы осушили наши рюмки, после чего некоторое время было уделено закускам.

– Ладно, я тебе расскажу, только ты не перебивай меня

всякими там возгласами, типа «пить надо меньше» или «А ты зелёных человечков видел?». И это не смешно, – резко произнёс он, заметив на моём разомлевшем от водки лице скептическую улыбку. – Я до того дела вообще не пил. Ни капли, даже пива. Два года держался, потому что жене обещал.

Он умолк на минуту, испытующе глядя на меня. Должно быть, он так смотрел на людей, когда вёл допросы. Очень нехороший взгляд, и, если не знаешь человека, от этого взгляда становится страшно. Так смотрит волк на свою добычу, прежде чем вонзить в неё зубы. Я сидел смирно, ожидая, что приятель возобновит рассказ, хотя внутренне готовился к тому, что он может кинуться на меня. Ноги под столом как-то сами собой напряглись, готовые бежать подальше от этого зверя, сидевшего напротив в образе полицейского старлея.

– Мы об этом деле не болтаем, и кое-что я расскажу только тебе.

Я кивнул, и заметил, что звериный взгляд пропал, и передо мной снова сидел обычный русский мужик, достаточно крепкий, но вполне нормальный человек. Если не считать, конечно, что он один выпил ноль семь, и даже не захмелел.

«Я тогда в лейтенантах ходил, – начал он свой рассказ, – крепкий, безбашенный, таких зверюг бал в одиночку, на которых подразделение ОМОНа вызывают. Меня весь отдел

уважал, меня братва уважала. Если бы не это дело, начальником бы стал. К слову, о начальниках – у нас майор был, тварь последняя. Я ему несколько раз приносил дела уже готовые, можно оформлять, железно сядут. А он их, гад, через день выпускал. Зато нормальных пацанов мог закрыть ни за что.

Ну и, в общем, невзлюбил меня этот майор. Я свои должностные обязанности знаю, ко мне не подкопаешься. Так он стал меня на всяки отправлять – такие дела, где следов никаких, они могут лет тридцать тянуться. Раскрыть – ни шанса. Или вообще сплошная бумажная морока. Я за два месяца бумаг на пять тысяч листов развёл! Мне продыху не было. А тут ещё это дело.

Позвонил хирург из морга, типа криминал, кража. Выехали на место, не в первый раз, адрес знаем, но вот чтобы там кражи были, об этом не слышали. Приезжаем, с порога встречает бледный заведующий, Вадим Сергеич, дядька много повидал, в Афгане служил, а сейчас на нём просто лица нет.

– Олежек, – говорит, – выручай, у меня труп пропал.

У меня и у напарника глаза по пять копеек.

– Сам ушёл что ли? Может, недоглядели чего, там пульс не прощупывался?

– Нет, Олежек, ты не понимаешь, у нас из холодильника, из закрытого ящика труп пропал!

– Это уже серьёзно, – говорю, – пошли смотреть.

Провели в жмурню, место, сразу скажу не из приятных,

запашок тот ещё. Подаёт мне Вадим Сергеич документы, с которыми привезли тело. Рассказывает, что привезла бригада скорой днём, все заняты были, поэтому на время положили в холодильник. Там тело должно было быть до утра. Утром открыли холодильник – тела нет. Открыли все холодильники, все боксы – тела нет. Всё осмотрели – тела нет. Санитары божатся, что именно это тело именно вчера днём положили именно в эту камеру холодильника, и всё было закрыто.

Смотрю документы: гражданка Величкина О. Е., 1928-ого года рождения. Смотрю дальше – при осмотре на теле обнаружены множественные синяки, ссадины, следы удушья. И тут меня прям дёрнуло – предварительная причина смерти – острая сердечная недостаточность!

– Это как так? – говорю я. – Таких надо в первую очередь на стол класть, а потом к нам!

– Да я сам знаю! – чуть не плачет Вадим Сергеевич. – Все знают, санитары знают! Как её в бокс положили – ума не приложу! И как она исчезла – без понятия!

– Могли выкрасть, чтобы следы убийства скрыть.

– Как? Как могли выкрасть? Кто мог? Я сам все записи с камер пересмотрел! Я всех охранников перетряс, всех санитаров!

– Ну, это разберёмся, – говорю я.

Сам тогда верил, что дело не хитрое, распутаем быстро. Приехали криминалисты, искали следы, взяли пальчики у

всего персонала, от уборщиц до бухгалтерии. Изъяли мы все записи. У них камера прямо в помещении с холодильниками, две в коридоре, три на выходе, муха не пролетит. Заодно сами опросили всех, кто в тот день и накануне работал и был в морге.

Весь день потом смотрели кино. Глаза болеть начали, хоть тресни – никто не входил и не выходил. Вот время по протоколу как бабку привезли, вот время как санитар её в холодильник кладёт. Вот закрывает. И потом шестнадцать часов там никто не появляется! Ни у холодильника, ни в коридоре! Несколько раз пересмотрели.

Криминалисты говорят, пальчиков чужих нет. Только пальчики того санитара, который бабку привозил. Я помчался в морг опять. Проверил сам ящик, где труп лежал: сама бы она не выбралась, испариться не могла. Подумал, что трупа не было и всё это шутка – нет, вот документы все, адрес, контакты родственников указаны.

Отправился на её квартиру, думал, родня там уже, наверное, новоселье празднует. В таких делах привык, что за квартиру любимые внучки-племянники со стариками расправляются. Приехал – дом старая кирпичная пятиэтажка, в квартире никого нет, никто не отвечает, в окнах света нет. Пошёл соседей опрашивать. И тут интересное началось. Бабка эта почти никуда не выходила, с соседями не общалась, её по имени никто не знал, но все говорят, что с самого первого дня в доме жила. Только вот почти никто не знал, что она

умерла несколько дней назад. А как узнавали, чуть не каждая вторая хозяйка крестилась и говорила: «Слава Богу!». Одна женщина заявила: «Эта бабка ведьма была! Её весь дом ненавидел и боялся! Из-за неё у всех по несчастью, проклятый дом! Вы спросите, у нас в каждой квартире кто-то умирал или мучился! Вы спросите! Это она всё делала!»

Я-то тогда думал, что просто сумасшедшая попалась. Но в одной квартире мне повезло, там женщина другая была, она, как узнала, зачем я, попросила войти, чаю налила, говорит: «Я вам о ней сейчас расскажу. Мне соседка когда-то лет пять назад рассказала, я всё боялась кому-то ещё сказать. Но теперь, раз этой... – тут она как-то странно замолчала и перекрестилась, – больше нет, то и сказать можно. Мне баба Тома рассказывала. Эта женщина тут очень давно жила и всех знала. Я у неё как раз про ту самую старуху спрашивала, сама всегда её боялась. Баба Тома мне сначала говорить не хотела. Но как-то я её уговорила, уж и не помню, чем её так умастила, но она рассказала. В нашем доме давали квартиры колхозникам, уж и не помню, за что. Но все были из одного села. И баба Тома была. Говорила, что в том селе жила вместе с бабкой этой ещё до войны. В войну в селе стояли немцы, и жили они по домам у всех в деревне. А та бабка была девочкой подростком, миленькой, фигуристой. И к ней всё немцы приставали. И вот однажды баба Тома, а она тогда совсем малая была, видела, как эта девчушка идёт по доро-

ге через село простоволосая, в одной сорочке, вся в крови. Подходит к двери дома, стучится, её прогоняют. Она к другому бредёт, а её и там прогоняют. И так она полсела прошла, и баба Тома на это всё смотрела, пока её мать не схватила за руку и не заперла в доме. Потом люди говорили, что её немец изнасиловал. У неё родители строгие были, в тайне очень в Бога верили, и дочку, покрытую позором, выгнали из дома. И никто её не принял в селе, все боялись. А чего боялись, и сами не знали. Ушла та девочка куда-то, думали сначала, что сгинула. Потом и немцы из села ушли. А через два дня сказали, что вся та немецкая группа была уничтожена, никто не выжил. Все радовались, а потом красная армия шла, и все опять радовались. А потом баба Тома видела, как та девочка в деревню вернулась, да не одна, а с какой-то женщиной. Она помнит, видела, как девочка ту тётку по селу водила и пальцем на дома показывала. Той тётки почему-то все испугались. Все кричали очень. Одна баба даже с коромыслом на них бросилась, но посреди дороги почему-то застыла, ноги у неё отнялись, не вставала потом. А ещё через неделю приехали из НКВД и пол деревни увезли. Старухи плакали, что всех расстреляли. А скоро и дома начали гореть, сами собой. Половина пустые стояли, и сами вспыхивали. Поджигателей хотели поймать, да никого не поймали. Ещё баба Тома вспоминала, что её тогда мать после прихода страшной тётки неделю водой из церкви умывала, и все боялись очень.

После войны, говорила она, всё забылось, все в колхо-

зе работали. Из села мало старожилков осталось, куда-то все пропали. Случайно она ту девочку встретила через много лет, она в тот же колхоз зверотехником пошла. Неказистая, вроде, с годами стала, а все мужики в неё влюблены были. Она ими как куклами вертела. Долго ни один не задерживался, как-то быстро они начинали пить, стареть, высыхать.

А потом им и по квартире дали. И как въехали в доме сразу странное началось, – тут женщина прервала свой рассказ, и тяжело вздохнула. – Я и сама мужа схоронила. А баба Тома рассказывала про ту старуху, что она, дескать, от той тётки в войну научилась чёрной магии, и теперь всех изводит. Я у неё ещё спросить хотела, только тут баба Тома кашлять начала и задыхаться. Так кашляла, что скорая приехала. Её потом дети увезли в другой дом, а баба Тома совсем почти не говорила после».

– Вы знаете, это больше на пионерскую страшилку похоже, – не верил я ей. – У гражданки Величкиной были недоброжелатели? С родными были драки?

– Да вы что! Её все ненавидели, все боялись, но никто и близко подойти не смел. У неё один племянник был. И то, скорее родня мужа, он редко приезжал, а после неё выходил сам не свой.

– А другие родственники? – говорю.

– Никого не было. Все, кто был – все померли.

Странное дело получалось. В рассказ про чёрную магию я тогда не верил. Да и мало ли сумасшедших старух жило

на свете. А совпадения – всего лишь совпадения, к делу не пришьёшь, требуются факты.

Узнал я адрес её племянника. Поехал к нему. Приезжаю на место, представляюсь. Говорю, зачем приехал. Так этот тип сначала наотрез отказался говорить, а как я припугнул его статьёй за убийство, он заговорил. Хотел, наверное, чтобы я его за сумасшедшего принял если что.

– Рассказывай, Вася, – говорю, – как было дело? Дрался с тёткой?

Тот затрясся странно, руками сучит, но потом собрался и говорит:

– Да я её даже случайно задеть боялся. Она жуткая была. Её только мой дядька обожал, они три года вместе прожили, потом дядька помер. Он ничего есть не мог, как скелет при жизни стал. Квартира у них была хорошая, я всё думал, что вот тётка помрёт, достанется мне. Я к ней раза два в год приезжал, чаще не мог. После каждой поездки месяц от чего-то лечиться приходилось. А вот неделю назад она сама мне звонит и требует с семьёй к ней приехать, плохо ей, завещание хочет подписать или передать что-то. Я сам не понял так до конца, слышал по телефону, что очень плохо ей. Чёрт дёрнул послушаться и с семьёй поехать: я, жена и дочка. Дочка ни в какую не хотела ехать, поругались даже.

Тут Василий замолчал и в пол уставился, словно переключило его, залип, одним словом.

– Дальше рассказывай, – говорю, – как дело было? Прие-

хали вы, и что дальше?

– Ну, вечером мы уже приехали, темнеть только начало. Старая на кровати лежит, дверь не заперта была.

– К ней кто-то приходил?

– Нет, не думаю, к ней никто никогда не ходил, сама она никого не боялась. Дверь всегда открытой оставляла. Я как-то спросил, чего она не запирается, не боится, что украдут чего. Она мне и сказала тогда: «Я, говорит, ещё в войну страх потеряла. А если, говорит, кто ко мне непрошено придёт, сам тому рад не будет». Она чудаковатая была, всё что-то прищёптывала. А в этот раз тихо лежала, глаза открытые. Встали мы, смотрим на неё, а она страшная такая лежит, глаза стеклянные в потолок уставила. Но видим – дышит. Спросить долго боялись. Ничего сказать не могли, только стоим и смотрим. Вдруг она голову повернула к нам, на дочку мою смотрит и говорит, ласково так, никогда не слыхал от неё такого: «Поддай, говорит, деточка мне водички стаканчик, не откажи, хорошая моя». Ну, дочка моя послушалась бабушку, пошла за стаканом, вернулась, протягивает, да вдруг как взвизгнет, выронит стакан и за нас спрячется. Я кричу ей: «Ты чего?», а она – «Там жуки, папа, жуки, не хочу!». Она у меня с детства насекомых не любила, а тут прям паника пошла у неё. И старуха руку тянет и так причитает: «Дай воды! Дай воды!», и уже не жалобно, а злобно прям так рычит на неё. Я подошёл посмотреть. Что за жуки, мало ли клопы в

кровати, а старуха вдруг свернулась калачиком и зашипела так на нас: «А ну уходите в другую комнату спать!»

Ну, мы спорить не стали, думали, если что, она сама позовёт, не совсем помирает, вроде. Спать легли в другой комнате все вместе, а уснуть не можем.

– Посторонние звуки были? – спрашиваю.

– Сначала нет, тишина была, ничего не слышно, потом вой пошёл из-за стены, где бабка спала.

– Вы встали?

– Какой там! – при этом Василий даже побледнел. – Вы, товарищ начальник, видите, я мужик здоровый, меня весь район за силу уважал, с корешами стенка на стенку выходили, район на район, а тут меня прям к дивану придавило. Только чувствую, что шелохнусь – и мне конец.

– А жена и дочь?

– Они утром только мне сказали. Говорили, что так страшно им никогда не было. Малая даже заикалась потом.

– Что происходило ночью?

– Чертовщина! – Василий выглядел напуганным. Я его не перебивал дальше. – Лежим мы ни живы, ни мертвы, а за стенкой кто-то топает, да так, словно здоровый бык в комнате, и не один, а стадо. Всё ходуном заходило: люстра закружилась, звенит, и посуда звенит, с полок вещи падают, в коридоре большое зеркало треснуло, утром только заметили. А потом начались вопли: то старуха орёт, то ещё кто-то, и голос дикий такой, точно режут кого живого. А потом во-

обще удары слышны стали, и крики не прекращаются, словно человек двадцать уже орёт. Слышно было, что погром в комнате. Мне бежать хотелось, да руки-ноги отнялись. Только, между нами, не для протокола, мы все тогда обмочились, так страшно было. Всю ночь этот кошмар продолжался. Мы только утром заснули. Сам не знаю, как, может, все сознание потеряли, может ещё что, проснулись только в два часа дня, и то, страшно встать было. Ещё полчаса лежали, потом я уже встал.

– Вы ничего не упо... – я не успел договорить.

– Ничего! – резко ответил Василий. – Ну не могли ж мы все втроём одинаковые глюки схватить! Всё, как я говорю, было!

– Утром вы осмотрели квартиру? Кто приходил? Что-то пропало?

– Ни следа утром не было! Вот вам крест, клянусь – всё в полном порядке, только зеркало треснуло, большое, старое такое. Дверь я запирал на ночь, окна закрыты, с улицы не попасть. Как зашли в комнату старухи – там тоже порядок, только она лежит уже мёртвая и вся избитая. Мы тут же скорую вызвали, бумаги подписали, её увезли, сказали, когда и зачем приходите...

– И всё-таки, история странная. Ну не верю я в чертовщину, скажи лучше, вы её...

– Нет, начальник, ну сам посуди, зачем? Бабка умирает, квартира нам остаётся, ну чего ради грех на душу брать?

– Пока, конечно, обвинение предъявить не могу. Были у неё ещё недоброжелатели? Кому мог её труп понадобиться?

– Да многие могли не любить, со странностями она была. А насчёт трупа, так мало ли сатанистов, прознали, что старая ведьма умерла, и выкрали.

– Хитро как-то очень выкрали. Выезжала она куда-то? Был у неё круг общения?

– Была у неё дача, да не то, что дача, сарай вроде, как мне рассказывали. Она несколько раз в год туда одна ездила. Близ деревни К* у города М**, это в область километров 90.

Я навёл справки, действительно, числилась за этой гражданкой такая собственность. Чтобы дело не стояло, поехал туда соседей спрашивать, хоть какая-то ниточка бы нашлась».

В этот момент мой товарищ прервался и налил себе ещё один стакан водки. Немного подумав о чём-то, он продолжил.

«Иду я по деревне по этой, дома как дома. На углу улицы лавки, столик, там мужики сидят, горькую пьют. Спрашиваю, знает ли кто гражданку Величкину. Те молчат естественно, не слышали. Я фотографию её достал, у племянника забрал для дела. Показываю всем по очереди, и тут один забулдыга, как увидел, сразу протрезвел. Я никогда не видел, чтобы люди так моментально трезвели. По взгляду понял,

что узнал он её.

– Вы знакомы? – спрашиваю.

– Я её не знаю, – говорит, – однажды видел, на всю жизнь запомнил. Чуть не убился из-за неё.

– Ой, Колька опять брехать начнёт, – усмехнулся один из его собутыльников.

– Правду говорю, вот чтоб мне не сойти с этого места! – возмутился Николай. – Еду я на своём грузовике, подъезжаю к месту, где дорога петлю делает, там болото и овраг обогнуть надо. Смотрю, бабулька какая-то по дороге ковыляет, ну я поддал газку, посигналил ей, обогнал, но, видать, пылью её накрыло, дорога там такая. Еду себе дальше, после поворота проехал ещё, смотрю, она же прямо передо мной стоит! Как из-под земли выросла! Стоит и будто шепчет чего или говорит – губы у неё дёргаются. И тут у меня машина перестала слушаться. Я руль выворачиваю, а машину прямо несёт, я по тормозам, а она быстрее, ручник – ничего. И на полной скорости, как по рельсам, со всего маху въехал в столб. Машину разворотило, кабина пополам. Чудом живой остался, меня как выбросило! Потом обернулся – бабки этой нет нигде. Там овраг крутой и болото – здоровый мужик не пролезет. А она КамАЗ обогнала!

– Может, ты выпил чего лишнего?

– Да я никогда за руль выпив не сяду! Это всё старуха наколдовала! У меня под лобовым на панели три иконки висели. Так они просто все в труху...

Он ещё что-то говорил, но я тогда не стал слушать. Не хотел верить в мистику, да и с деревенскими алкашами болтать мне было не охота. Конечно, на душе не спокойно, уже который свидетель такую галиматью несёт. Но, думал, это все телевизора насмотрелись, там про магов и ведьм круглыми сутками передачи показывают. Решил поговорить с женщинами в посёлке, должны же хоть какие-то адекватные люди мне попасться. Да и они тоже почти все отнекивались. Одна только, наглая такая, мерзкая баба, не люблю таких, сказала:

– Ну знаю её. У неё тут среди леса логово, домишко там её.

– А как его найти, – спрашиваю.

Мимо соседка её, видать шла, слышала наш разговор, как закричит:

– Ты чего! Не говори ему, пропадёт ещё человек. Это ведьмин проклятый дом!

– А, этого не жалко, – махнула та баба на меня рукой, – это не человек, это мент! Мусор! Так что, если ему для следствия надо, пусть себе хоть к чёрту идёт! Вот туда, – она показала рукой, – вниз тропинка идёт, дальше налево, домишко увидишь, там больше никто не живёт! Вот и чтоб вас всех таких, как её, чёрт побрал, – прибавила она.

Я ушёл от неё молча, странно как-то за такую помощь благодарить. Иду я, куда послали, а сам думаю: «На кой ляд сдалась мне эта бабка, врачи сами, небось, не туда засунули, а теперь найти не могут. Разбирайся ещё с ней. Из-за их разгильдяйства очередной висяк будет!» Так я иду, сам с собой

рассусоливаю, не замечаю, как холодать начало, гроза начинается. Дождик капает. Я вот, веришь, грозы никогда не боялся, а тут мне жутко сделалось. И с каждым шагом всё пакостней так на душе, хоть падай на землю. Я взял, и побежал. Ноги сами меня вынесли. Всё заросшее, штaketничек поваленный весь сгнил, колья натканы кругом. За кустами еле я этот сарай разглядел, даже не дом. Три окошка забитые в ряд. Над крышей кирпичная труба торчит осыпавшаяся. Всё неухоженное, ветками закиданное. Даже при солнце жуткое место. От него могилами веет. А тут гроза. Хотел назад пойти, а тут ливень совсем начался. Думаю, на крыльчке подожду и пойду отсюда. Подхожу к крыльцу, дождь всё заливает. Смотрю – замка нет, одна щеколда, отодвинул её, дверь открыта, внутри темно. Мобильником посветил – вроде пройти можно, где-то на комодике свечка стоит. Прощёл, достал зажигалку, свечку эту зажёл, там ещё одна. Свечки странные, вроде восковые, а все чёрные. Тут чувствую, резкий запах пошёл чего-то гнилого, как от трупов. Стал со свечкой осматриваться: барахло всякое валяется, трава какая-то, нитки, иголки, мусор всякий... И тут прямо затрясло всего: стоит среди этой чернющей комнаты накрытый стол, над ним зеркало, на столе книжище лежит. По краям стола свечи стоят. Книга, видать, старая, переплёт из кожи, страницы аж бурые. И только я руку протягиваю к этой книге, вдруг из-под стола вылетает огромная чёрная мохнатая лапа с длинными когтями, и тащит книгу эту к себе. Я глазам

своим не верю. И вдруг хохот надо мной, вся эта поганая хибара хохочет и трясётся. Поднимаю голову, а над зеркалом под потолком зависла та самая бабка. Сидит она скрюченная, голая, волосы растрёпаны, страшная, глаза горят. Висит она в воздухе и ко мне руки тянет, а я не могу пошевелиться. И липкое что-то и гадкое, как живые водоросли опутывает меня. Вниз глянул, а это две огромные змеи! И старуха ко мне руки протягивает всё, уже почти до лица дотронулась. Слышу, как шипит:

– Вот и жених мой пожаловал, выкуп мой драгоценный пришёл. Заждалась тебя, сокол!

Сердце в пятки ушло, стряхнул змей, дёрнулся назад к двери, а она заперта снаружи, не могу открыть. Хохот со всех сторон. Я давай метаться, хоть что-то найти, чем отбиться, а везде свечи сами вспыхивают и из каждого угла зверская рожа смотрит. Мечусь, думаю, дверь вышибить, а двери нет! Нигде не могу найти выхода. И тут меня что-то душить начало. Так сдавило, словно плита на горло легла. Я руками махал, бросил что-то не глядя – в зеркало попал, оно зазвенело, и я как побегу. Сам не знаю, как и куда бежал. Ничего не помню, что дальше было.

Очухался в больничке. Потом рассказывали, что я вылез из леса рано утром на дорогу и чуть под фуру не угодил, водитель успел остановиться. На шее, говорят, была у меня петля, все руки в воске, ничего не мог объяснить и не понимал, что происходит, всего шугался. Сначала думали, что

под наркотиками, для верности анализы взяли. Потом психиатр со мной говорил. В общем, решили, что всё это просто нервный срыв от переутомления на работе. Я и сам начал думать, что мне приснилось всё это. А потом пришёл коллега навестить и говорит:

– Нашлась твоя старуха.

– Какая старуха? – у меня снова сердце заколотилось.

– Так та самая, гражданка Величкина, 28-ого года рождения.

Я молчал и смотрел в потолок, мне казалось, что это всё ещё сон.

– Так вот, – продолжал коллега, – нашлась, и не просто, а в том самом морге! Более того, в той самой ячейке холодильника, куда её клали! И ты не поверишь, что дальше было! Привозит санитар нового покойника, открывает ячейку, в которой старуха была, ту самую пустую ячейку, и чуть дар речи не теряет: старуха там лежит! Куда положили, там и лежит! Девять дней не могли найти. А она там материализовалась! У санитара глаз дёргаться начал. Они нам позвонили. Старуху после определили на вскрытие. Эксперт на неё глянул – глазам не верит: ни одного следа от травмы, ни синячка, ни почерненьца. Лежит она такая ладная, словно живая и здоровая. Прямо-таки цветущая женщина! А в протоколе три абзаца про травмы на теле! Вроде та, а вроде и не та, получается. По фотографиям всем – она. По факту – мистика какая-то. Не может человек на 10-й день после смерти вы-

глядеть как живой! Но это не всё, дальше слушай! Начали вскрывать, взрезали только, а из старухи такая вонь пошла, что все отбежали, дальше хотели вскрывать всё-таки, а из неё опарыши полезли, от вонищи санитары в обморок упали. Пришлось спецбригаду вызывать со специальными костюмами, они как в скафандре, особо заразные трупы вскрывают. Те говорили, что внутри всё, словно человек лет десять разлагался. Самое жуткое, что в морге мухи завелись: здоровые, чёрные, кусачие, и ничем их пока не вытравят...

Я больше не слушал. Всё казалось бредом и сном. Было жутко, меня трясло. Сестра попросила коллегу выйти. На прощанье он ляпнул: «Не переживай, нашлась пропажа, дело закроют». Будто мне легче. А потом я начал напиваться».

На этом мой приятель остановился в своём повествовании. Мы смотрели на часы. Совсем скоро должен был начаться рабочий день, и пара часов сна должны были хоть немного прогнать усталость. Олег выглядел совершенно трезвым, несмотря на то что пока мы сидели, выпил три бутылки водки.

– Ты как? – спросил я.

– Нормально, – отозвался приятель. – Только ноги что-то не слушаются.

Посадив его в такси, я и сам отправился домой, несколько удивлённой этой историей. И правда, сказка это и бред, не больше. К утру я всё забыл. И не вспоминал рассказ о

страшной бабке почти год. А вспомнив недавно, решил всё записать. Дело в том, что Олег погиб буквально за неделю до этого. Он разбился за рулём своего автомобиля, врезавшись в столб. Трезвый, на ровной трассе в ясный день. Тормоза и все системы управления его машины были в порядке. очевидцы говорили, что перед самой аварией на дороге стояла какая-то старуха, которую после никто больше не видел.